

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССРГод издания 33-й
№ 150 (4429)

Четверг, 21 декабря 1961 г.

Цена 4 коп.

Мирза ИБРАГИМОВ

Наша жизнь, наши герои

утром в политотдел пришла страшная весть — ночью Аббаса убили. Мы тут же выехали на место трагического происшествия. С кипой газет под мышкой, сраженный револьверным выстрелом в ухо, лежал Аббас на берегу реки Нахичеванчай; все говорило за то, что

его убили подло, предательски, по заранее обдуманному плану... Я вспомнил нашу встречу с Аббасом в редакции, слышал его задушевные слова, полные неискряемой веры в светлое будущее...

Жгучая внутренняя потребность рассказать о таких героях, как Аббас, продиктовала мне «Хаят». В пьесе я сохранил даже имя Аббаса и использовал некоторые детали его биографии. Конечно, при всем том я отнюдь не стремился дать простую «копию» характеров, событий, фактов, с которыми меня столкнула жизнь, напротив, в меру моих сил и умения я стремился к типизации, к обобщению. Но я убежден, что если бы я в 1933—1935 годах не работал в Нахичевани, пьесы «Хаят» не было бы. Больше того, я не смог бы впоследствии написать роман «Слияние вод»... Надо ли мне говорить здесь о том, какой поистине неоценимый и неисчерпаемый жизненный материал дают писателю глубинные процессы, происходящие в современной деревне, те величайшие изменения, которым подвергаются в наши дни материальные условия жизни, нравы, обычаи, весь духовный облик людей

(Окончание на 3-й стр.)

Всем нам и до, и после профессионализации надо стремиться как можно полнее «пропустить» через свою личную биографию биографию века. А перебираться ли для этого из республиканских центров в областные, вести ли «кочевой» или «оседлый» образ жизни — эти вопросы каждый писатель сможет решить, так сказать, «в индивидуальном порядке». Тем более, что, откровенно говоря, все мы живые люди и часто поступаем так или иначе не в силу тех или иных логических умозаключений; иной раз опять-таки сама жизнь «нечаянно», незаметно даже для нас самих подсказывает нам выбор «форм связей» с ней...

Помню, очень не хотелось мне в 1933 году уезжать из Баку, где я учился в аспирантуре, в Нахичевань, куда меня посылали редактором газеты политотдела МТС. Думалось тогда, что годы, которые мне предстоит провести там, в деревенской глуши, на берегу Аракса, будут потерянными годами в моей жизни. А сейчас, чем больше я удаляюсь от того времени, тем чаще с гордостью и даже некоторой тоской вспоминаю годы, прожитые в Нахичевани. Опыта, почерпнутого тогда в крутом водовороте событий, опыта борьбы, исход которой в масштабе страны имел важнейшее значение для ее исторических судеб, мне никогда не удалось бы приобрести в вузовской аспирантуре. Все оказалось неожиданным и волнующим: новая обстановка, новые интересные люди, накал ожесточенных схваток с классовым врагом. Работа в газете политотдела волей-неволей втянула в борьбу и меня самого, нельзя было оставаться равнодушным, когда тысячи и тысячи крестьян отдавали все свои силы строительству новой, зажиточной и культурной жизни, и не только трудовой

пот — кровь лилась за то, чтобы на месте жалких лачужек выросли благоустроенные дома, чтобы распались зримые и незримые цепи, сковывавшие женщину, чтобы затархтели на полях первые неуклюжие трактора.

Именно тогда произошел трагический случай, после которого, как сияние далеких огней сквозь туман, где-то в глубине моей души стали проступать образы и эпизоды драмы «Хаят», первого моего более или менее зрелого произведения... Я сидел в маленькой комнате редакции, просматривая письма и заметки селькоров. Медленно и бесшумно открылась дверь. «Можно?» — спросил человек среднего роста в галлифе и полупальто. Под мышкой у него была кипа газет. «Пожалуйста», — пригласил я его и предложил сесть. Это был председатель колхоза селения Гошадизе — Аббас. Я слышал о нем очень много. В Гошадизе несколько бесчестных людей уже долгое время всячески мешали колхозу встать на ноги, растаскивали колхозное добро. Два-три месяца назад был освобожден от должности прежний председатель колхоза и на его место направлен недавно демобилизованный из армии Аббас. Он кончил семилетку, многому научился в армии, был для деревни того времени культурным, передовым человеком. Это был благородный и беззаветно преданный родине юноша. Два часа сидел у меня Аббас, рассказывал о своих смелых планах, о строительстве в деревне дворца культуры, нового школьного помещения, о водопроводе, о лампочках Ильича в каждой избе... Вскоре я поехал в колхоз Гошадизе. Как любили Аббаса, как верили ему честные труженики! И как ненавидели его заскорузлые собственники, фанатики и невежды!.. Однажды ранним

185

У НАС под талантливостью писателя порой как бы подразумевается только некое формальное умение «работать над словом», во всяком случае часто приходится слышать: «Такой-то талантлив, но не знает жизни». По-моему, подобные суждения основаны на недоразумении: если автор кажется нам талантливым, значит, он все-таки сказал нам о жизни, о человеке что-то новое, сделал какое-то открытие, иначе разговоры о его талантливости преждевременны... Ибо умение глубоко проникать в существо жизненных явлений, знание людей — все это качества отнюдь не внешние по отношению к таланту, напротив, они-то как раз и являются важнейшими компонентами самого «ядра», самой сердцевины таланта.

Несомненно, одним из самых вредных последствий влияния культа личности в области художественного творчества было ослабление связи писателей с жизнью народа, боязнь рассматривать жизнь как она есть, показывать действительность во всей ее сложности, со всеми ее противоречиями и суровой правдой. В условиях культа личности тематическая узость, предумышленная лакировка в целях перестраховки, ходелно-воспевательская риторика находили себе лазейку в сфере художественного мышления и, конечно, обедняли идейно-эстетическую сущность искусства. Ныне с каждым годом все явственнее, все острее советская литература освобождается от этих реликтовых явлений, и тот колоссальный творческий заряд, который всем нам дали исторические решения XXII съезда партии, служит надежным залогом ее дальнейшего невиданного расцвета.

Я НЕ СКЛОНЕН думать, как полагают некоторые, что иной писатель способен внести свой весомый вклад в решение этой задачи, даже сидя в музейных палатах, в окружении одних лишь реликвий древности. При этом, очевидно, предполагается, что такой писатель беззаветно предан идеалам коммунизма и чрезвычайно талантлив, остальное, мол, приложится... Мне, однако, это предположение кажется, мягко говоря, не выдерживающим критики. Ведь если такой писатель действительно предан идеалам коммунизма и действительно талантлив, разве не потянет его из этих музейных палат к людям, в самую гущу творимой ими жизни...

С другой стороны, мне представляются чересчур неосмотрительными иные категорические рекомендации, касающиеся вопроса о месте жительства писателя. Основная беда этих рекомендаций в том, что з них под словом «писатель» подразумевается некая абстрактная фигура, а не живая, трепетная, сложная человеческая и художническая индивидуальность со своими неповторимыми пристрастиями и склонностями. Вот почему многие мои собраты по перу, живущие в больших индустриальных городах и давно «одержимые» индустриальной темой, давно лишившиеся о нашем славном рабочем классе, справедливо недоумевают, когда им предлагают прописаться на постоянное жительство в сельской местности...

Вообще, раздумывая в последнее время над одной очень простой и ясной истиной, мы, на мой взгляд, иной раз настолько осложняем наши рассуждения, что незаметно превращаем эту ясную истину, эту аксиому в некую проблему, которую надо решать. А ведь вся практика литературы социалистического реализма решила эту проблему давным-давно. Совершенно очевидно, что мы не имели бы в золотом фонде многонациональной советской литературы ни «Тихого Дона» и «Поднятой целины» Шолохова, ни «Разгрома» Фадеева, ни «Как закалялась сталь» Островского, ни «Комсомольской поэмы» Самеда Вургуня, ни множества других замечательных произведений, если бы их авторы не дышали какое-то время тем же воздухом, что и герои их книг, если бы они сполна не «выварились» вместе с ними, со своими героями, в одном «жизненном соку».

Да и сейчас всем нам абсолютно ясно, что, к примеру, хорошего романа о героических тружениках Нефтяных Камней не напишешь, не выезжая, скажем, из Ленинградской области...

В СЯКОЕ жизненное явление можно изучать двояко.

Уловить его внешние приметы сумеет каждый, такой метод не требует большого таланта.

Подлинное же познание жизни, творческое изучение ее закономерностей неосуществимо без «взгляда в корень», без глубинного постижения внутренней сути явлений. И понятно, что писатель тем скорее придет к такому глубинному постижению явлений жизни, чем «созвучнее» эти явления будут складу его художнического мышления, специфике его дарования. Сама эта специфика, однако, не есть нечто застывшее, раз навсегда данное. Она тоже величина, так сказать, «переменная», и видоизменяется ее природы — тоже результат взаимодействия художника с жизнью. История мировой литературы знает немало случаев, когда в творчестве больших художников одна проблематика естественно «вытесняла» другую, и вряд ли одним только «возрастным фактором» объяснишь, почему Блок начинал свой творческий путь «Стихами о Прекрасной Даме», а закончил «Возмездием», «Двенадцатью»... Вот эта жгучая естественная жажда отклика на ключевую проблематику эпохи и служит вернейшим залогом глубины и прочности связи писателя с жизнью народа. В наше время, в годы великой стройки коммунизма, каждый из нас, как никогда прежде, призван крепить, развивать, неустанно растить в себе высокую потребность такого отклика, каждый из нас может и должен помочь в этом друг другу. Но, конечно же, надежнейшим «помощником» нам, писателям, явится тут сама наша действительность.